

ТАТЬЯНА БУАШКОВА

A woman with dark, curly hair styled in an updo, wearing a red, off-the-shoulder, long-sleeved dress with a decorative white and red floral border at the neckline. She is holding a large, dark, feathery bouquet. The background is a dark, textured wall with a red curtain on the left. The entire scene is framed by a decorative, Art Nouveau-style border with gold and brown tones.

ЖИЗНЬ И
ПРИКАЮЩАЯСЯ
ВАДОВЫ ВАМПИРА

Татьяна Буденкова

**Жизнь и приключения
вдовы вампира**

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Буденкова Т. П.

Жизнь и приключения вдовы вампира / Т. П. Буденкова —
«ЛитРес: Самиздат», 2016

Как из бедной девушки стать богатой вдовой. Как умный мужчина может воспользоваться обстоятельствами страшными, тяжелыми, но выдержать и нажать хорошее состояние, однако попасть в "медовую ловушку" и какую цену ему пришлось за это заплатить. Можно ли прийти с того света в баньку помыться? Как жениться на дочери богатого человека, и не пожалеть об этом. Всё эти события происходят в одном провинциальном городке в прошлом веке.

Женский любовно-приключенческий роман с элементами мистики
Жизнь и приключения вдовы вампира

Основные действующие лица:

1. Вдова вампира – Наталья Акимовна
2. Её батюшка, отставной писарь – Аким Евсеич
3. Их приживалка – Настасья
4. Несостоявшийся жених Натальи Акимовны, пимокат Егор Петрович
5. Муж и сам вампир – Кузьма Федотыч
6. Соседка и роковая женщина Акима Евсеича – Марья Алексеевна
7. Городской голова – Пётр Алексеевич
8. Сын городского головы – Алексей Петрович
9. Граф Немиров Михаил Михайлович – знатный вельможа, и его дядя Михаил Николаевич, а ещё: околоточный надзиратель – Павел Никодимович Абиняков, его супруга – Анна Алексеевна Абинякова, городской, врач, приходской батюшка, трое кладбищенских жильцов, а также другие, случайно причастные к происходящим событиям, жители и гости города Бирючинск.

Смерть вампира

Глава 1

Городок Бирючинск расположился на высоком берегу реки Бирюки. Деревянные тротуары под окнами крепких бревенчатых домов приводили в центр города. Там зажиточные горожане строили свои жилища из красного кирпича с балкончиками и коваными перильцами возле входных двухстворчатых дверей, каждую створку которых покрывала великолепная резьба. Центральная площадь, выложенная булыжником, отшлифованным и обкатанным экипажами и просто телегами бирючан, никакого освещения не имела, и потому с наступлением сумерек редкий прохожий решался её пересечь. В такое время лай бездомных псов, проникающий сквозь оконные рамы, наводил ужас на дворовых девок и серьёзных матрон. Зато днём тишину городка нарушали лишь лёгкий ветерок, шелестевший кустами сирени, да серьёзный шмель, спешивший куда-то по своим делам.

Наталья Акимовна – единственная дочь вышедшего в отставку городского писаря. На то время был писарь вдов, часто болел, производил впечатление человека нерешительного и состояния не нашёл. Спалось ему плохо, потому что постоянно думал: как выдать дочь замуж так, чтоб и её от тягот бедности уберечь, и самому на старости лет без куска хлеба не остаться. Кавалер Натальи Акимовны имел небольшую пимокатню, в которой пара нанятых подручных валяла шерсть да изготавливала на всю округу валенки. Предмет необходимый в снежные и морозные зимы Бирючинска. Сам пимокат, Егор Петрович, закупал шерсть, сбывал готовый товар, следил, чтобы валенки работники валяли добротные, шерсть не приворовывали, так что забот у него хватало. А вот доход он имел весьма скромный, потому как бирючане народ бережливый и отменно скатанные валенки, подшивая по необходимости пятки, носили по три, а то и четыре зимы подряд. Жил пимокат в небольшом собственном домике на противоположной от дома писаря стороне улицы вдвоём с матушкой. Других претендентов на бедную, хоть и привлекательную, девушку не было. И ничего бы отставному писарю не осталось, как отдать дочь замуж, пусть уж и за пимоката. Однако судьба распорядилась по-другому. Да так, что весь Бирючинск содрогнулся.

Надо сказать, что кроме Натальи Акимовны жила в доме писаря ещё одна девушка – Настя. Прибилась как-то зимним вечером, мол, пустите переночевать, да так и осталась, потому как была сиротой и родственникам в тягость. Работящая и скромная, постепенно взяла на себя все домашние хлопоты: полы помыть, борщ сварить...

В один из тёплых летних дней Аким Евсеевич обратился к дочери с необычной речью:
– Натальюшка, понимаешь, дело-то какое, сам Кузьма Федотыч прислал за мной посыльного с запиской, в которой говорится, что ему срочно нужно переписать кое-какие бумаги, и для этого он приглашает меня к себе домой.

– Кто же, батюшка, лучше вас в городе это сделать может? Вот он и обратился к вам.

Однако Аким Евсеевич рассудил, что это была бы куда лучшая партия для Натали, чем пимокат. Ведь Злыднин Кузьма Федотыч действительный статский советник, человек состоятельный, вдовец, детей бог не дал, хоть и молодыми брал жён. И, заботясь о судьбе дочери, решил писарь взять её с собой.

– Надобно, Натали, нам этому человеку угодить, – пояснял он дочери, – работу выполнить скоро и аккуратно. Моё зрение уже не такое острое, могу чего недоглядеть. Поэтому будешь меня сопровождать, тексты читать да следить, чтоб я случайно ошибку при письме не допустил.

С этой поездки всё и началось. Работа была в самом разгаре, когда в кабинет заглянул хозяин.

Из-под красного бархатного халата, шитого золотыми драконами, но уже немного замушенного на животе, выглядывал воротничок белой рубашки. На голове красовались остатки волос неопределённого цвета, торчали над ушами и легким пушком виднелись над блестящей макушкой. Крючковатый нос, в молодости имевший хищный профиль, ещё не совсем утратил свои очертания. Веки опущены, из-за чего невозможно уловить взгляд, чтоб понять настроение владельца. Губы и щеки розовые, как у юноши, но старость уже оставила свой росчерк на этом странном лице. Свет горевших свечей отразился от золотого шитья халата и упал на лицо Кузьмы Федотыча. Он поднял веки, взглянул на работающих. Наталия вздрогнула, блестящие чёрные глаза, в которых плясали блики золотых драконов, смотрели на неё так, что мороз пробежал по коже. Она запнулась, отец, не поднимая головы от работы, попенял, чтоб не отвлекалась и продолжала диктовать. Ей подумалось, что эти глаза и это располневшее, стареющее тело живут разной, независимой друг от друга, жизнью.

Видимо, поняв, что девушка не в силах сосредоточиться под его взглядом, он вышел из комнаты, так ничего и не сказав.

Закончив работу, отец, как было условлено, позвонил в колокольчик. Вошёл слуга и молча поставил на стол небольшую шкатулку. Аким Евсеевич удивлённо взглянул, слуга пояснил, что хозяин уехал, а в шкатулке оговоренная оплата и подарок для Наталии Акимовны. После чего раскланялся и открыл дверь, предлагая отцу с дочерью выйти.

Дома из шкатулки кроме скромной суммы денег достали моток красной атласной ленты, сколотой, чтоб не разматывалась, булавкой.

Уже на следующий день жизнь для Наталии Акимовны стала меняться. Перед обедом в дом посыльный принёс записку. От кого она, Настя сказать не могла, поскольку читать не умела. Но за обедом батюшка был необычайно оживлён и всё время спрашивал:

– А не купить ли нам тебе новое платье?

– Да на какие же деньги, батюшка?

– А на те, что про чёрный день отложены. Может статься, тогда такой день и не наступит.

– Вы сказали бы, не томили, к худу или к добру все ваши намёки?

– Какое же это худо, когда молодой девице родитель новое платье собирается купить?

Давеча Кузьма Федотыч посыльного с писулькой прислал, где прямо сказано, что работой нашей очень доволен, – Аким Евсеевич сделал многозначительную паузу, и продолжил:

– Ещё он попенял мне, что негоже молодой девице по чужим домам хаживать. Надобно поручить её мужу, там уж его рука – владыка. И приглашает нас отобедать с ним в субботу на будущей неделе, так что платье купить мы ещё успеем.

Сердце Натали сжалось в дурном предчувствии.

– Но ведь пимокату обещались...

– Кузьма Федотыч нечета пимокату. Подумай о своей будущности, да и меня, старика, пожалей.

Далее всё покатилося как по маслу. Не успела Натали оглянуться, как стояла перед алтарём. В белом платье из шёлкового атласа, украшенного бисером, в перчатках из тончайших брюссельских кружев на белых, будто мраморных, руках. Чёрные кудрявые волосы, уложенные в причёску, закрывала газовая фата, спускаясь белой дымкой по точёным плечам и темнея ближе к полу, куда слабо доставал свет церковных свечей. Заплаканная, это уж как полагается невесте. Левая рука безвольно держала перевитую золотой лентой свечу, воск плавился и стекал на руку, был ли он горячим, она не ощущала.

В городе обсудили наряд невесты да то, как это удалось писарю так удачно сбыть дочь с рук, и стали ждать дальнейшего развития событий. А что они непременно последуют, горожане не сомневались. Кузьма Федотыч уже трижды был вдовцом, и каждый раз этому предшествовала какая-нибудь странная, даже пугающая история.

И правда. Сколько ни приходил тесть в дом зятя, никак не мог увидиться с дочерью. Всё находились разные отговорки. То она долго вечеровала и теперь спит, то куда-то отлучилась и никто в доме не может её найти... А тут ещё горожане шепчутся: сколько бедная Натальюшка протянет, более или менее последней жены Кузьмы Федотыча? Та была кровь с молоком, а эта тоненькая, с виду на фарфоровую статуэтку похожа, где уж ей?

Однажды, когда городок уже спал, Аким Евсеевич услышал, как в дверь кто-то скребётся. В доме он был один, единственную живую душу, которая могла бы находиться вместе с ним, Настю, отпустил вместе с дочерью. Аким Евсеевич долго не мог решиться открыть, а когда за дверями расслышал дрожащий женский голос, сердце его ёкнуло, и он отворил дверь. На пороге стояла Настя. Она бесшумной тенью метнулась в сени, оглянувшись, приложила палец к губам и проскользнула дальше.

Настю пробирала дрожь, но было видно, что не от холода, а от сильного душевного волнения. Она рассказала, что сбежала из дома Кузьмы Федотыча украдкой и должна незамедлительно вернуться назад, пока её отсутствия не хватились. Настя слёзно просила писаря забрать дочь обратно, иначе Натальюшка, как она жалеючи её называла, не выдержит тех мытарств, что ей приходится терпеть.

– Что же такого особенного там происходит? – спросил писарь. Не в силах даже присесть, он так и стоял, повернувшись спиной к дверям, в длинной ночной рубахе до пят и ночном колпаке.

– Наталью Акимовну, кровинушку вашу, держит Кузьма Федотыч долгими днями взаперти, так что даже по нужде ей выхода нет. Ставни закрыты, она, бедняжка, света белого не видит. А тут истопили баню, волоса-то у неё, голубушки, длинные да кудрявые, самой не справиться, вот и разрешил мне Кузьма Федотыч помочь вымыть ей голову. Свечу оставил только одну, и ту в предбаннике, я думала из экономии, скуп он, моченьки нет, так вот, даже при этом скудном свете рассмотрела я, что все её тело покрыто синяками да ссадинами. Сам Кузьма Федотыч у дверей дожидался и разговаривать нам запретил, только мы и без слов друг друга поняли. Вышла я, а Кузьма Федотыч вошёл, я под окно, ночь холодная, на мне одна мокрая рубашонка, но стою, слушаю, а из бани стоны да всхлипы Натальи Акимовны слышатся. Потом голос супруга её: «Ты что, – говорит, – думала, будешь моё добро проедать да своим белым телом надо мной верховодить? Не тут-то было. Польстилась на моё добро, значит, купил я тебя как телушку или собачонку на потеху, так вот и утешай да ублажай», – и опять стоны да всхлипы, а у меня аж мороз по коже. Что хотите делайте, но не дайте дочери своей погибнуть. Замучает её душегубец, как замучил трёх других своих жён.

Договорив всё это, Настя бесшумно выскользнула за дверь.

Тут уж писарю не до сна стало. Кое-как дождался утра, да на двор зятя. Опять же осторожно надо, чтоб не заподозрил чего, а то выгонит Настю, случись что – и не узнать. От этих мыслей Аким Евсеевич похолодел даже, и решил терпеть, виду не давать, но свидание с дочерью вытребовать.

На настоятельные требования свидеться с дочерью, по которой скучает, наконец, получил согласие. Видать, и сам Кузьма Федотыч понимал, что когда-нибудь придётся позволить отцу встретиться с дочерью.

За обедом, на котором и состоялась эта встреча, Натали сидела не поднимая головы, а когда муж указал, что следует положить конец капризам и кушать что бог послал, она молча взяла вилку и нож, но руки так дрожали, что слышно было звон этих столовых предметов о край тарелки. Кузьма Федотыч вспыхнул от негодования и даже вскочил со стула. Натали подняла на него глаза, из которых неудержимо катились слёзы. Откуда только взялась смекалка у писаря, но боясь, что зять будет вымещать своё недовольство на дочери, он предложил первое, что пришло ему в голову:

– Кузьма Федотыч, известное дело, девица перешла в статус замужней дамы, вот нервы и не выдержали, вы бы пригласили лекаря, пусть какую-нибудь успокоительную микстуру пропишет.

– Баловство всё это, одни растраты, однако, чтоб угодить вам и чтоб помнили мою доброту, – он крикнул слугу и велел послать за лекарем, который обычно лечил его подагру. Да велел предупредить, чтоб тот особенно не рассчитывал, оплата визита и лекарств не должна быть очень высока.

Аким Евсеич ещё пребывал в доме зятя, когда приехал доктор. Осмотрев молодую пациентку в присутствии мужа и следуя его наставлениям, выписал успокоительную микстуру, сказав, что двадцать капель этого средства сделают сон Натальи Акимовны более долгим и глубоким. Муж одобрительно кивнул, мало ли ему приходится отлучаться из дома, пусть себе спит. Тем более что за микстуру, будучи предупреждён слугой, врач взял недорого. Передав лекарство, доктор предупредил, что безопасное с виду, так как не имеет ни цвета, ни запаха, оно неимоверно усиливает свои свойства при соединении с алкоголем.

Кузьма Федотыч только хмыкнул:

– Где ж это видано, чтоб молодая жена да к рюмке доступ имела, так что тут опасаться нечего.

Вернувшись домой, Аким Евсеевич не находил себе места, осознав, в какие руки отдал свою дочь. Стараясь успокоить себя, рассуждал, что это всё капризы, нелюбовь к уже немолодому мужу, однако вспоминал ночной визит Настеньки, и сердце опять заходило болью. Но случилось такое, чего даже в страшном сне привидеться Акиму Евсеичу не могло. События, не только для Акима Евсеича, но и для всех горожан, грянули неожиданные, как гром среди ясного неба.

Оставленную доктором микстуру Наталья Акимовна, боясь издевательств над ней в сонном состоянии, не принимала, а сливала в припрятанный пузырёк. Теперь, притворяясь полусонной, могла иногда избегать общения с мужем.

В один из вечеров, когда всё её тело ломило от побоев и ссадин, она придумала план, как ей хоть на одну ночь снискать покоя душе и телу. Перед тем как лечь в супружескую постель, Кузьма Федотыч выпивал обыкновенно бокал красного вина, который незадолго до этого в спальню приносил слуга и ставил на столик у кровати. Когда бокал с вином уже стоял на столе, а Кузьма Федотыч ещё не пожаловали, Натали достала пузырёк с накопившимся снадобьем и весь вылила в вино.

Наконец дверь спальни открылась. Кузьма Федотыч, всё в том же красном бархатном халате, прошёл и сел на край постели. Протянул руку, взял бокал, с наслаждением выпил вино,

немного молча посидев, поднялся, снял халат, не спеша уложил его на спинку стоявшего рядом кресла. Потом откинул край одеяла, сунул руку поглубже, и Наталья Акимовна почувствовала уже привычный щипок. Рука, от плеча и до самого локтя, покрылась синяками от таких нежностей. Устроился под одеялом, ткнул жену кулаком в бок, она вытянулась в струнку, ожидая продолжения супружеских ласк. Но в этот раз всё было по-другому. Кузьма Федотыч покрутил головой, потёр глаза и сказав что-то вроде: «Умаялся, сердешный», – отошёл ко сну.

Какое-то время Наталья Акимовна боялась даже дыханием разбудить мужа, но постепенно всё более усиливающийся храп дал понять, что бояться нечего. Уже светало, когда Натали услышала, как истопник в соседней комнате растапливает печь, тёплая задняя стена которой, украшенная блёклыми изразцами, как раз выходила в супружескую спальню. Она тихонько вылезла из-под одеяла, всё ещё опасаясь, что Кузьма Федотыч проснётся, но он даже не шелохнулся. Накинула на плечи платок с кистями, постояла немного у тёплой печной стены и, наконец насмелившись, потрогала мужа за руку. Та оказалась холодной как лёд, хоть комната давно наполнилась теплом. Наталья трясущимися руками приподняла край одеяла и потрогала ноги Кузьмы Федотыча, они были так же холодны, как и руки. Ещё какое-то мгновение постояла в нерешительности, потом вытащила заколку из волос, разметав их по плечам, и кинулась из спальни. Волнение её было столь неподдельно, что ни у кого из слуг и сомнения не возникло, что произошло нечто неожиданное и ужасное. Когда слуга, который обычно приносил бокал вина, вошёл в комнату, то Кузьма Федотыч по-прежнему храпел, возлежа на подушках. Он аккуратно поправил голову хозяина, и тот затих. Подошло время обеда, но хозяин, который поднимался обычно вслед за истопником, лежал всё так же неподвижно, и даже дыхание не улавливалось. Наталья Акимовна, сидевшая всё это время рядом в кресле, на спинку которого Кузьма Федотыч вечером уложил свой халат, решила отправить прислугу за доктором.

Не успел слуга трёх шагов от дома отойти, как увидел, что навстречу мчится карета врача. Он замахал руками, закричал, привлекая к себе внимание. Оказалось, доктор торопится к состоятельной роженице и опоздать ему никак нельзя. Но выслушав сбивчивую речь слуги, доктор предположил, что Кузьма Федотыч – человек уже в возрасте, обременённый подагрой и другими болезнями, выпив с вечера бокал-другой вина, провёл бурную ночь с молодой женой, так что к утру вполне мог испустить дух. А значит, визит может быть недолгим и хорошо оплачиваемым. С этим убеждением доктор вошёл в спальню супругов. Представшая его взору картина утвердила доктора в его предположении. Он попросил зеркальце, поднёс к приоткрытому рту Кузьмы Федотыча, немного подождал, потом потрогал руки, ноги, что-то ещё рассматривал в лице пациента.

Наталья Акимовна этого уже не видела, ей стало дурно. Накапав для неё всё тех же капель, которые, вероятно, постоянно возил с собой для слабонервных дам, он объявил во всеуслышание о безвременной кончине Кузьмы Федотыча. Слуга, тут же поняв, что теперь у него вместо хозяина хозяйка, подобострастно спросил, сколько доктору выдать за визит.

– Ах, я ничего в этом не понимаю, и не до этого мне теперь. Пусть доктор сам назначит цену, а уж вы озаботьтесь расчётом, – обрадованный таким поворотом дел, врач поехал далее, принимать роды, а по пути рассказывать, как глубоко переживает своё горе молодая вдова.

Когда же врач приехал в дом роженицы с такой вестью, то слуги чуть хозяйские роды не прокараулили, шушукаясь по углам. А сказал он следующее: по дороге, хоть и спешил очень, пришлось заехать в дом Кузьмы Федотыча, поскольку под копыта его лошади кинулся полураздетый, испуганный слуга, утверждая, что Кузьма Федотыч преставился.

– Заехал я буквально на минутку... ведь к вам же торопился, – рассказывал он встретившему его хозяину, – но там и минуты было достаточно опытному врачу, чтобы понять: моя миссия окончена, теперь священник нужен.

– Что же приключилось с уважаемым Кузьмой Федотычем?

– Э... возлежал он на постели, смятой молодой женой, сама она была в таких расстроенных чувствах, что внешность свою прибрать как следует не успела, из чего можно заключить, что предавался Кузьма Федотыч с молодой и... очень красивой женой любовным утехам. А перед этим выпил полный бокал красного вина, который и стоял пустой рядом на тумбочке, и слуга подтвердил, что Кузьма Федотыч ежевечерне, прежде чем в супружескую постель лечь, выпивал бокал-другой. Дух свой он испустил прямо у этого слуги на руках, когда испуганная состоянием мужа Наталья Акимовна выскочила из супружеской спальни, призывая слуг. Говорят, тогда Кузьма Федотыч ещё похрапывал.

– Спал, что ли? – шёпотом поинтересовался хозяин.

– Да нет. Хрипел, вероятно, в предсмертной агонии. Поправил слуга подушку под головой хозяина, а тот всхрапнул, ну прохрипел, последний раз и затих. Если учесть его подагру и некоторые другие хвори, что встречаются у людей его возраста, то станет ясно: не выдержало сердце уважаемого Кузьмы Федотыча.

Врач удалился к роженице, а подслушавший этот разговор слуга выскользнул из-за шторы и пошёл рассказывать всем и каждому, набивая себе цену, требуя хранить врачебную тайну личной жизни Кузьмы Федотыча, самолично услышанную им из приватной беседы между врачом и хозяином. А когда к дому Кузьмы Федотыча подъехала бричка с батюшкой, а потом уж и гробовщик пожаловал, то и вовсе в подлинности рассказанного никаких сомнений не осталось. А там и слуги Кузьмы Федотыча подтвердили, им тоже хотелось внимания горожан, а тут такой повод.

А тем временем гробовщик, производивший обмер, вдруг замер и даже в лице изменился. Наталья Акимовна тоже слышала характерный звук вкупе с определённым запахом, муж никогда не стеснялся при ней этой, как он говорил, естественной потребности. Но останавливаться на полдороге было никак невозможно, и она, побледнев ещё более, пояснила:

– Беда случилась уже почти сутки как, а по незнанию слуга истопил печь, от жары тело дорогого супруга начинает портиться, – и закрыла лицо белым кружевным платком, – вот и запах пошёл.

– Это мы поправим, – прогудел батюшка, добавляя ладан в кадило, – однако если сутки миновали и теперь идут вторые, то не далее как завтра во втором часу будем выносить, – и посмотрел на Наталью Акимовну, за подтверждением, та только слабо кивнула, мол, вам виднее.

Похороны произошли с соблюдением всяческих христианских правил. Но были детали, которые внимательные жители Бирючинска не могли не заметить.

Тесть, хоть и был подобающе грустен и одет во всё чёрное, однако по лицу его было видно, что он не особенно печалится по зятю, это горожане понимали. Но более всего жителей городка удивляла молодая вдова, которая так убивалась по преставившемуся мужу, что никто не мог взять в толк: с чего бы? Только она подходила к гробу, силы тут же оставляли её, и доктору приходилось приводить в чувство бедную Натали. Однако потом кто-то высказал мнение, что молодым людям свойственно бояться покойников, и Натали не столько по Кузьме Федотычу убивается, как пугается его мёртвого тела. Это было понятно всем.

Проводить Кузьму Федотыча в последний путь пришли чуть не полгорода. Во-первых, поминки обещали быть сытными, во-вторых, события приняли неожиданный оборот. Горожане гадали, больше или меньше, чем её предшественницы, протянет четвёртая жена, вышло – упокоился хозяин!

А когда на кладбище гроб опустили в могилу, только комья земли по крышке гроба стучать перестали, и даже обрывать могилку не успели, кинулась Наталья Акимовна чуть ли не под лезвия лопат и давай причитать так громко, что некоторые близко стоявшие отхлынули. И как тут было не удивляться горожанам? Однако далее следовали обильные поминки, а на

сытый желудок приходят совсем другие мысли. И жители, уже более благодушно настроенные, решили, что, видимо, с этой женой Кузьма Федотыч обращался несколько мягче, чем с прежними.

Глубокий траур

Глава 2

Однако события, развернувшиеся далее, столь поразительные и пугающие, заставили горожан по вечерам задвигать все запоры, замыкать все замки и плотнее занавешивать шторы на окнах. А те, чьи окна имели ставни, не ленились закрывать их засветло.

Случилось это ближе к ночи на вторые сутки после погребения Кузьмы Федотыча.

Оставшись одна в супружеской спальне, молодая вдова никак не могла решиться лечь в постель, в которой так недавно возлежал Кузьма Федотыч. Свет лампадки отбрасывал от предметов тени, до ужаса похожие на очертания дорогого супруга в домашнем халате. Из тёмных углов мерещились пугающие шорохи. Она прислушалась – и уловила вполне отчётливый звук, который шёл от окна.

– Господи, страхи, всё это страхи... – её взгляд упал на стержень, который закреплял закрытые ставни с внутренней стороны дома. А стержень вдруг стал почти бесшумно выдвигаться назад так, будто кто-то выталкивал его снаружи. Страх сковал её тело, лишил голоса. Наталье Акимовне уже чудился призрак Кузьмы Федотыча, когда стержень выпал, громко брякнув об пол, и ставня распахнулась. В слабом свете лампадки, что горела перед образами, да ещё всю светившей полной луны, она увидела... пимоката, который пытался влезть в комнату через окно. Цепляясь одной рукой за раму, другой прикладывал палец к губам, как бы просил о тишине. Тихо охнув, вдова обомлела и рухнула в кресло. При этом халат, который по-прежнему лежал на спинке, то есть там, где его оставил хозяин, вдруг зашуршал в ночной тишине и свалился на пол. Пережитый страх и волнение на какое-то время парализовали её волю. Пимокат прикрыл окно, затеплил на столе свечу и присел возле её ног.

– Не пугайтесь, Наталья Акимовна. Зла я вам не причиню, поскольку понимаю, что оставили вы меня не по своей воле. Но теперь вы свободны и состоятельны. Я соглашался вас взять в жены бедную, поэтому думаю, вы не решите, будто я к вам из корыстных побуждений. Но судьба повернулась так, что теперь возле вас будет крутиться много всяких хлыщей и проходимцев, желающих устроить свою жизнь.

– Что вы, Егор Петрович, об этом ли мне сейчас пристало думать? – еле выговорила вдова, постепенно приходя в себя.

– Я вас и не тороплю. Но вы должны полагать, какой опасности подвергаетесь. Опять же, предлагаю вам свою помощь, в каком бы виде она не потребовалась.

– Пока вы меня подвергаете серьёзной опасности. Муж лишь вторую ночь на погосте, а у вдовы посторонний мужчина в спальне. Уходите немедленно... И не беспокойтесь, я буду помнить о вас, а далее – как судьба рассудит. Поторопитесь, пока не перебудили слуг в доме.

Однако шум уже разбудил их, послышались голоса, шаги...

Времени не оставалось, пимокат распахнул оконные створки. Наталья Акимовна, опасаясь, что его узнают, быстро накинула ему на плечи халат мужа. Когда он уже стоял на подоконнике, дверь в спальню распахнули слуги, сквозняк задул свечу, последний её всполох отразился от золотых драконов халата. На мгновение вдове показалось, что это сам Кузьма Федотыч. Страшно вскрикнув, она без чувств упала в кресло.

А в это время уставший от хлопот и волнений Аким Евсеич вернулся домой. На дворе давно наступили сумерки. Пора бы и в постель. Он разделся, ополоснул лицо, руки... и только вознамерился ночной колпак на голову надеть, как в дверь забарабанили с такой силой, будто

грешная душа от чёрта спасалась. И не открыл бы Аким Евсеич дверь, в его ли силах с нечистью бороться? Да Аннушка – прислужница, а заодно и кухарка, которую он нанял взамен Настеньки, тут как тут:

– Кого бог послал на ночь глядя?

– Истопник это от Натальи Акимовны. Дело спешное, – а голос испуганный, кричит мужик, явно совладать со страхом не может.

– Точно истопник. Я его по голосу узнала, – и хрясь задвижку в сторону.

Аким Евсеич так и стоял с колпаком в руках.

– Батюшка, Аким Евсеич, непусти дочь свою в погибель! – а у самого дыхание перехватило, далее говорить не может. Анна кружку воды подала, он залпом осушил её:

– Наталья Акимовна без чувств лежит. Уж и не знаю – жива ли?

– Говори толком – что стряслось?

– Кузьма Федотыч с того света приходил. Видать, желал Наталью Акимовну утащить за собой. Да слуги шум услышали, кинулись, отбили её, голубушку.

– С чего ты взял, что это зять мой упокоившийся был? Может, вор на добро позарился, зная, что хозяин помер и Натали одна?

Мужик перекрестился:

– Как бог свят, своими глазами видел его, вампира злостного, поймать пытался, да он только полами своего красного бархатного халата махнул, да шитые на этом халате золотые драконы блеснули в свете лампадки, и был таков через окно. А халат этот хозяин при жизни каждый вечер надевал. Уж мне-то это доподлинно известно.

– Так ведь ставни...

– Уж ежели его крышка гроба и сыра земля не удержали, то ставни и вовсе нипочём.

Растерявшийся на некоторое время от неожиданности Аким Евсеич, окончательно придя в себя и не очень доверяя выпученным глазам и трясущимся рукам истопника, решил, что истопник мог и помянуть лишку, а в подпитии чего не примерещится? Из дома дочери Аким Евсеич всего ничего как ушёл. Всё было чинно, покойно.

– Значит так, коли Наталья Акимовна без чувств, отправляйся за доктором. А я к ней прямым ходом.

– Нет уж, батюшка, Аким Евсеич, на улицах темень хоть глаз коли. Да восставший из гроба Кузьма Федотыч променад делает. Я с вами пойду. Всё не так боязно!

– Куда ж это ты пойдёшь? На кой ляд Наталье Акимовне такой слуга, который из трусости ей врача пригласить отказывается? До половины дороги нам вместе идти. А там проулком каких-то три дома – ходу всего ничего. Да и крест нательный на тебе – защита.

– Оно, конечно, крест всегда защита, однако коли так, то я уж на всякий случай... – он покрутил головой, увидел кочергу возле печи, – ещё и её вот прихвачу.

В доме Натальи Акимовны не спали. Напуганные слуги шушукались по углам. Наталья Акимовна без чувств лежала на кровати, возле неё хлопотала Настенька.

– Гляньте, гляньте, Аким Евсеич, я ей ворот расслабила, чтоб дыханье облегчить... – на шее бедной Натали выделялось бордовое пятно.

– Вот! Вот! Мне думается, это след от укуса ужасного вампира. Ведь восстать из гроба только вампир может.

Наталья Акимовна никак не приходила в себя. А доктор всё не ехал. Аким Евсеич, хоть и был воцерковленным христианином, но поверить, что зять из гроба восстал, – затруднялся. Тогда кто бы это мог быть? Однако беспокойство о здоровье дочери взяло верх над всеми другими мыслями. Наконец в прихожей послышались голоса, и в дверях спальни появился врач. Бегло осмотрев бесчувственное тело, обратился к Акиму Евсеичу:

– Не единожды работая с мёртвыми телами в анатомическом зале, ответственно вам заявляю, что вылезти из могилы ни одно тело не может, – при этом он слегка похлопывал Натали по щекам и приставлял к носу флакончик с какой-то солью. Но Натали оставалась без чувств. – Однако следует осмотреть Наталью Акимовну более тщательно, поэтому прошу вас, Аким Евсеич, удалиться и пригласить мне в помощь Настеньку.

Аким Евсеич ожидал в кресле у дверей спальни. Кровоподтёк на шее дочери рисовал в его сознании страшные картины. Но будучи человеком здравомыслящим, он отметал их одну за другой. Только покойнее от этого не делалось. И когда стало совсем невтерпёж, в дверях показался врач. Он потирал лоб рукой и вид имел озабоченный.

– Должен сказать, что на шее Натальи Акимовны... э-э-э... действительно видны... э... укусы. Я рассмотрел следы зубов, хотя, слава богу, кожу вампир не прокусил. Тьфу ты, чертовщина какая-то! Быть такого не может!

– Но оно есть! – встряла в разговор Настенька. – Полный дом слуг Кузьму Федотыча видел. А уж слуги-то своего хозяина всегда узнают! Да и кто на смелится в его халат вырваться? И откуда его взять?

– Настенька, иди ты, иди к Натальюшке! Не оставляй её без присмотра, – голова Акима Евсеича пошла кругом. Уж слишком много всяких событий одно хлеще другого за короткое время произошло.

Когда Натали пришла в себя, то увидела, что уже день. Возле её постели врач и отец. Оба с состраданием смотрят на неё. Настенька подала ей мятный чай, а немного погодя Натали услышала от отца рассказ о ночном происшествии, известным ему со слов слуг. Закончил он рассказ следующим образом:

– ...и когда дверь в вашу спальню отворили, то увидели вас, бездыханно лежащую в кресле, и фигуру в красном бархатном халате, на котором как живые блеснули драконы. А халат этот, насколько я помню, при жизни принадлежал моему зятю, и очень он его любил. Фигура растворилась за окном так, что никто её рассмотреть не успел. Вас уложили в постель и послали за мной и за доктором. При осмотре доктор обнаружил ужасные вещи. Всё ваше тело покрыто ссадинами и синяками, кровоподтёк на шее, возле артерии, ещё бы немного опоздали слуги, и могло случиться непоправимое.

Натали лежала, не поднимая на батюшку глаз, лицо её было белее мела. Доктор, решив, что молодая женщина не в себе от страха, решил успокоить:

– Не пугайтесь, я как учёный во всякую нечисть, вроде оборотней и вампиров, не верю. И, поскольку он не успел прокусить вам шею, могу с уверенностью сказать, что в данный момент вашей жизни ничего не угрожает.

– Кто он? – еле выдавила из себя бедная Натали.

– Как мы полагаем, ваш супруг, превратившийся в вампира, или, может быть, и бывший им до смерти, и, возможно, выпивший кровь из трёх своих прежних жён, – говоря это, врач имел крайне озадаченный вид. А в голосе проскальзывало явное недоумение.

В этот момент в дверях появился слуга и доложил, что пожаловала супруга околоточного надзирателя Анна Алексеевна Абинякова. Она пренебреженно желала видеть хозяйку, а выглядит надзирательша очень взволнованной.

Едва успев переступить порог и увидев лежащую в постели вдову, а рядом доктора и отца, Анна Алексеевна тут же заговорила:

– Я так и полагала, так и полагала! Не к добру всё это, ох не к добру! А он только отмахнулся, говорит, на его участке по пьяному делу каких только чудес не вытворяют.

– Кто он? И о каком чуде вы изволите говорить? – удивился писарь.

– Сегодня ночью мой муж, околоточный надзиратель Павел Никодимович Абиняков, возвращался домой с работы. Участок его за рекой, как раз там, где расположено кладбище.

Уже на подходе к реке он увидел несущуюся вдоль моста закрытую повозку на рессорном ходу. Когда та проезжала мимо, то из своей профессиональной наблюдательности муж успел заметить, что внутри сидит человек в чем-то красном с золотыми отблесками. Для остротки муж окликнул: «Стой, кто такие?» Кучер было придержал лошадей, но из повозки раздался крик: «Кузьма Федотыч на кладбище возвращается!» – после чего возничий добавил лошадям прыти, и повозка скрылась из вида.

Как только, поминутно обмахиваясь платочком и глубоко вздыхая, госпожа Абинякова покинула дом, доктор и писарь удалились в другую комнату обсудить случившееся.

– Хоть мне и удалось привести в чувства Наталью Акимовну, но она всё ещё очень слаба. Я дал ей успокоительных капель, пусть поспит. Для неё сейчас сон – лучшее лекарство. А вам, Аким Евсеич, доложу, – доктор отвёл писаря в сторону и заговорил полушёпотом, чтобы кто из челяди не услышал: – Вся левая рука вашей дочери от локтя до плеча в кровоподтёках. Ну а следы зубов на шее... Получается, её щипали, а может, и кусали... Но Кузьма Федотыч разве мог?

Аким Евсеич замахал руками:

– Чур вас, чур! Что вы такое говорите? Может, где о косяк ударилась?

– Тогда ей надо было только и делать, что ходить и о косяки биться. А уж укусы...

– Но Кузьма Федотыч... упокоился... – развёл руки в стороны писарь.

– Вот и я говорю... – согласился с ним врач.

И оба, переглянувшись, замолчали.

– Я, право, в растерянности. Не знаю, что и думать? – почему-то шёпотом спросил писарь.

– Мне как человеку просвещенному... м-м-м... сама мысль, что Кузьма Федотыч из гроба восстал, – претит! Но... есть очевидцы – слуги. И следы на теле вашей дочери... М... да, – в раздумье врач потёр себе лоб, склонил голову набок, разглядывая принесённый слугой поднос с вином и закуской.

Выпив по бокалу подогретого красного бордо и закусив нарезанной холодной телятиной, Аким Евсеич и доктор почувствовали непреодолимую тягу ко сну. Аким Евсеич решил остаться ночевать в доме зятя, а доктор направился домой. Проводив доктора, Аким Евсеич задержался в прихожей перед зеркалом:

– Да, с этим надо что-то делать... – оглядев на себе поношенный костюм, купленный ещё в те времена, когда служил писарем, Аким Евсеич невольно сравнил его со щегольской одеждой доктора.

– Может, в церкви заупокойную службу заказать?

Аким Евсеич оглянулся – чуть сбоку стоял истопник, который помогал доктору одеться да потом закрывал за ним дверь. На швейцара Кузьма Федотыч скупился.

– Иди-ка ты, дружок, спать. Я тут сам разберусь, что мне заказывать, – посмотрел на себя в зеркало ещё раз и решил: – А вот завтра и займусь. Нечего своим видом дочь компрометировать. А Натали, я думаю, теперь уж никто кусать и щипать не будет, – вспомнил ночной рассказ Настеньки, прибежавшей в его дом ещё когда Кузьма Федотыч жив был. Спал эту ночь Аким Евсеич на диване в кабинете зятя.

Преображение умного мужчины

Глава 3

Раньше Акиму Евсеичу не приходилось столь часто общаться то с доктором, то с надзирательшей, да и с некоторыми другими состоятельными горожанами тоже. И он перестал замечать, что ткань его сюртука давно выношена, отчего сюртук местами вытянулся, потерял форму, и оттого сам он в такой одежде никакого вида не имеет. Да и средства прежде остерегался тратить на новый гардероб, берёг про чёрный день. Аким Евсеич попытался привести

свой внешний вид в приличное состояние, но даже самая тщательная чистка ничего не изменила. Опять же стрижка и бритвё требовали рук хорошего цирюльника.

«Однако я не толст, не сутул, не лыс, роста не маленького, хоть и не высок, конечно. Бумаги читаю без монокля. Некоторые в мои годы только женятся. А те деньги, что держал про чёрный день, теперь могу потратить», – и, рассудив так, буквально на следующий день направился в цирюльню, где цирюльник обихаживал его, рассыпаясь в любезностях. Посвежевший после приятной процедуры стрижки по модной картинке, приведя в порядок бакенбарды на манер фАвори, которые только обрамляют щеки, не очень длинны и носятся без усов и бороды, а также бритвья остальной части лица, сопровождающегося горячим компрессом и приятным ароматом, он заехал в магазин прицениться к готовому платью. Оказалось, что готовое пальто приличной ткани и модного фасона стоит пятнадцать рублей. Деньги немалые. Но не носить же пальто с иголки на старый сюртук? И тут выяснилось, что модные ткани очень дороги и, кроме того, официальные чёрный редингот (сюртук) и визитные полосатые брюки отходят от моды. И если уж решиться шить столь дорогие вещи, то лучше выбирать костюм английской формы, хотя пока в Бирючинске только сын городского головы носит такой. Приказчик даже показал ему картинки из иностранного журнала и сказал, что с такой стройностью в теле и молодавостью лица Аким Евсеич, пожалуй, любому молодцу фору дать может. Будучи от природы человеком неглупым, Аким Евсеич понимал скрытый смысл лести приказчика, который желал продать ему дорогую ткань, да ещё получить заказ портному, а поскольку и ткань дорогая, и фасон новомодный, то и заказывать придётся не абы какому мастеру. Однако понимать-то понимал, но как же были приятны эти слова, ведь кроме лести в них и чистая правда имелаась.

Привыкший к строгой экономии, в дом дочери Аким Евсеич возвращался пешком. И сильно удивился, когда подряд третий встречный горожанин первым приподнял шляпу для приветствия. Выходило, что статус его в городе явно повысился, и откладывать заказ новой одежды никак невозможно.

Стучать в дверь пришлось долго. Открыл ему заспанный истопник. А ведь в доме полно челяди, на прокорм и содержание которой тратятся немалые средства. И ничего другого Аким Евсеичу не осталось, как принять на себя все хозяйские заботы. Тут и выяснилось, что некоторые слуги собираются подыскивать других хозяев, потому что жить в доме, куда в любой момент может пожаловать вампир, – моченьки нет!

Когда через несколько дней Аким Евсеич посетил портного, то услышал, что Натали горожане между собой называют не иначе как вдовой вампира. И самые жуткие слухи передаются из уст в уста. Что со всем этим делать? Аким Евсеич решительно не знал. И направился за советом к местному батюшке.

– Изничтожить следует злого вампира, – батюшка всячески выказывал обеспокоенность судьбой горожан, которых терроризирует упокоившийся зять Акима Евсеича. А пуще того советовал подумать о судьбе бедной Натали. Ведь того и гляди явится ночью, да что если слуги отбить не успеют? Выпьет кровушку – тут-то и придёт погибель не только телу, но и душе Натальи Акимовны. Вон, в городе говорят, что доктор научно зафиксировал укусы на её теле.

– И как же его уничтожить, когда он и так в сырой земле закопан?

– Другого выхода не вижу, как пригвоздить его осиновым колом, – свистящим шёпотом поведал батюшка.

– Так опять же... как же мы его пригвоздим, когда он в могиле покоится?

– В том-то и беда, что не покоится, а рыскает ночами по улицам, выискивает, чьей бы кровушки напиться! А особо вам следует за свою дочь опасаться.

– Как же-с быть-то?

Батюшка поднял глаза к небу, перекрестился:

– Ох, грехи наши тяжкие...

- Может, пожертвование...
- Надо бы в церкви двери подновить да полы подправить...
- Я, батюшка, пожертвую. Дочь мою лишнего чтоб не склоняли.
- Наталья Акимовна – душа чистая, невинная... В коей сумме желаете пожертвование сделать?

Аким Евсеич наклонился к уху батюшки и что-то прошептал, потом вздохнул, осенил себя крестным знаменем:

- О согражданах пекусь.
- Душа чистая, невинная, испытание держит дочь твоя достойно. Не беспокойтесь, Аким Евсеич, всё как положено по церковному чину сотворим.

Изничтожение вампира

Глава 4

Город гудел как улей. В этой связи пимокат Егор Петрович, поскольку ранее считался женихом теперешней вдовы, счёл для себя возможным нанести дневной визит соболезнования. Наталья Акимовна, улучив момент, попеняла, какую кашу он заварил, на что пимокат подмигнул – то ли ещё будет, но далее их разговор прервался.

Ужасы о вампире, передаваемые из уст в уста, обрастая при каждом пересказе новыми, всё более пугающими, подробностями, всполошили город. Теперь уже городской, мужик молодой и крепкий, крестился, что самолично видел эту чёртову карету и крик слышал тот же самый. Страх сковал город.

И тут, очень даже кстати, местный батюшка возвестил, что для спасения горожан необходимо провести обряд по уничтожению злостного вампира. Выход один: вбить осиновый кол проклятому вампиру в сердце, пригвоздив его к земле. Это единственный способ уничтожить нечисть. Страх и любопытство, поселившись вместе в душах местных жителей, взбудоражили тихий омут провинциального городка.

Теперь уже даже Наталья Акимовна стала сомневаться, а не был ли её муж и в самом деле вампиром, тем более что на похоронах, когда могила уже была зарыта, она явственно услышала оттуда вопль, почему и бросилась на землю и запричитала что было мочи. Вдруг это не от снотворного лекарства так случилось?

– Может, и не спал Кузьма Федотыч, и не был похоронен заживо, и зря боялась, что всё раскроется, и причитала над его могилой, – убеждала себя вдова, – а может, он и в самом деле вампир, вот и взвыл оттуда.

Страсти не утихали. И был назначен день, когда на кладбище собрались: околоточный надзиратель Абиняков, городской, видевший карету с вампиром, батюшка, который отпевал Кузьму Федотыча и теперь утверждал, что ему ещё тогда не понравился цвет лица покойного:

– Вот как крутит нечистая сила человеческие души! – крестился он. С батюшкой пожаловали два церковных служки. Наталью Акимовну привёз отец. Настенька ехать на кладбище отказалась. Она утверждала, что и живого-то Кузьму Федотыча лишний раз видеть опасалась, а на мёртвого, да ещё превратившегося в вампира, ни за что взглянуть не насмелится. Приехал пимокат, который по предварительной договорённости с околоточным надзирателем и батюшкой должен был совершать обряд вбивания кола. Вся процедура обряда была заранее многократно оговорена и расписана – кто, что и когда производит. Наняли кладбищенских землекопов, чтоб разрыть могилу и вскрыть гроб. К тому моменту, когда уже показалась крышка, на кладбище собралось множество городского люда. Они бродили между могил, не решаясь подойти ближе, наслышанные о бесчинствах вампира.

Уже при снятии крышки стоящие у края могилы покрылись холодным потом. Она оказалась чуть сдвинутой в сторону, и только крепкие гвозди, хоть и вышли немного из своих мест, но продолжали удерживать её в прежнем положении.

– Ежели дух его наделал столько страху, что бы было, освободись тело? – перекрестился батюшка. Наконец гроб открыли. Стоящие близко оцепенели. Одежда на Кузьме Федотыче была разорвана так, будто он пытался вырвать собственное сердце, а изо рта по щеке сползала полоска крови. Медлить было опасно. Все убедились, что вампир в любой момент может восстать из могилы, и тут уж не жди пощады. Взоры присутствующих обратились к пимокату, а он хоть и вызвался заранее, но ощущал непреодолимую дрожь в коленях и руках. Сначала требовалось вложить вампиру в рот головку чеснока, чтоб обезопасить производившего ритуал, а уж потом вбивать кол. Вздрагивающему пимокату церковный служака сунул в руку чесночину. Городовой и рабочие помогли спуститься в могилу. Позднее он говорил, что этот злостный вампир так воздействовал на него, что просто отшиб память, и всё происходившее он воспринимал как бы со стороны, особенно боясь свалиться в этот ужасный гроб.

Как только пимокат пропихнул чеснок в рот покойного, городовой тут же подал ему сверху осиновый кол и здоровенную кувалду. Как во сне, несчастный истребитель вампира приставил кол к груди Кузьмы Федотыча и, насколько мог размахнуться в тесной могиле, жакнул по нему кувалдой. Но на этом дело не окончилось. Кол хоть и вошёл в тело, однако следящий сверху батюшка указал, что он должен пригвоздить вампира к земле, иначе тот восстанет всё едино. И удар кувалдой пришлось повторить ещё дважды. Только после этого пимоката подняли назад, а к могиле стали подходить любопытствующие, принаряженные и чинные. Они останавливались у края, крестились, о чём-то переговаривались и друг за другом, петляя между могил, покидали кладбище.

Доктору, призванному наблюдать за самочувствием Натальи Акимовны, которая с этого момента приобрела статус вдовы вампира, пришлось отваживаться* с пимокатом. Он было собрался напоить его теми же успокоительными каплями, но, немного подумав, достал из кармана флажку, отвинтил колшачок, понюхал, крикнул, сделал сам несколько глотков и протянул Егору Петровичу, который и осушил её.

Через некоторое время толки о вампире почти прекратились, и тут в городке опять случилось нечто необъяснимое. Теперь уже другой околоточный надзиратель, также по темноте возвращающийся домой, вдруг увидел лихо мчащуюся повозку на рессорном ходу, из которой был слышен крик: «Кузьма Федотыч с кладбища возвращается!» Город замер. А городской голова задумался, не пора ли в городе новый доходный дом построить. Нечасто по городам и весям вампиры раскатывают в каретах, понаедут любопытные, а им где-то останавливаться надо, ну не на кладбище же, в самом деле?

А тем временем события продолжали следовать одно за другим. Это случилось спустя почти месяц со дня смерти дорогого мужа Натальи Акимовны. В один из вечеров приготовила Настенька баньку, а сама задержалась в доме, и Натали направилась одна, полагая, что Настя придёт следом.

Тонкая ткань нижней рубашки скользнула на пол. Хоть на теле Натальи Акимовны следы мужниной «любви» уже поблёкли из бордовых до чуть желтеющих, но всё ещё были заметны. Натали шагнула из предбанника в мыльню. В кадушке медовые травы запарены. В ушате берёзовый веник мокнет, в него увязана трава полынь, а по полу цветы василька да ромашки насыпаны. Горячий и духмяной пар кружит голову и нежит тело. Натали вытащила гребень, и роскошные чёрные кудри разметались по плечам, упав вьющимися прядями на грудь. Закрыла глаза, с удовольствием вдохнула запах трав и стала ждать Настеньку. Вот и тень перед оконцем мелькнула.

– Настя? – услышала, как скрипнула дверь предбанника. – Долго ли тебя дожидаться? – окликнула, теряя терпение.

– Не пугайтесь, Наталья Акимовна! Не кричите, бога ради. Заходить далее не буду. Какой вечер караюлю! Сказать надобно вам нечто важное.

– Господи, да ты в своём ли уме, Егор Петрович? – узнала она голос пимоката, своего несостоявшегося жениха. – Уходи скорее! И так дел понаделал! Погубить меня хочешь? Сейчас Настенька сюда придёт, что подумает?

– Дела мои вам только на пользу. Время со дня кончины вашего супруга уходит, и вам надобно подумать о том, что унаследованное вами от Кузьмы Федотыча дворянское звание детям своим вы передать не можете. Ежели только изволите вновь за дворянина замуж выйти. Но обещались-то меня не забывать! А ведь я-то, Наталья Акимовна, чином дворянским не обладаю. Вот и решился напомнить вам события, кои связывают вас и меня со смертью вашего супруга.

– Боже мой! Боже мой! Егор Петрович, что вы такое говорите? Как же нас может смерть Кузьмы Федотыча связывать? Кол в мёртвое тело вбивали вы по своей воле, без моего участия. Уходите же скорее! – не давая договорить, торопила его.

– Да вы меня никак не слушаете? А дело наиважнейшее!

– Настенька сейчас придёт!

– Не придёт! Я засов опустил, будто случайно кто уронил, так что она в доме, пока докричится!

– Егор Петрович, у меня траур до трёх лет. Так что ни о каком замужестве и детях речи быть не может. А обещалась не забывать вас? Так я помню. Но ничего более я вам не обещала. А теперь уходите же скорее!

– Но вы могли понести от законного мужа. И тогда рождённый вами младенец, пусть хоть и после смерти своего, так сказать, отца, будет носить дворянский титул.

– Кузьма Федотыч не оставил мне своего потомства!

– Это доподлинно никому не известно. Вот я и говорю – время подумать, пока не поздно. А моя любовь к вам, Наталья Акимовна, безмерна! И пусть достались вы другому человеку, но судьба освободила вас! – и, видимо, совсем потеряв голову, распахнул дверь в мыльню.

– Ах! – Наталья Акимовна вскочила с полка, восковая свеча метнулась пламенем, выхватив дивную белую фигуру, пряди чёрных кудрей на белых плечах. Одна её рука прикрывала грудь, другая опустилась чуть ниже живота.

– Выходите вон! Я закричу!

Пимокат грохнулся на пол.

– Богиня, как есть – богиня с картины! Наталья Акимовна...

– Приходите завтра, к обеду. Я вам пимы для себя и батюшки закажу. Тогда и поговорим! Да уходите же!

Пимокат как был на четвереньках, попятился назад.

– Егор Петрович! Быстрее! Теперь весь дом на ноги поднялся. И двором, задним двором уходите! Да что ж это с вами приключилось? Живее, живее! – и, забыв о своей наготе, стала выталкивать из бани пимоката, который кое-как поднялся на ноги, но глаз от неё отвести был не в силах! И уже почти вытолкала его, как услышала голос Настеньки. Оставалось одно: задуть свечу, чтобы пимокат скрылся незамеченным. Потом выговаривала Настасье, как случайно на свечу водой плеснула, та и потухла, а одной в темноте в бане ужась как страшно!

– А я вроде голоса слышала. Решила, что вор забрался. За баней-то – курятник. Челядь подняла, велела бечь посмотреть. А сама сюда.

– Как же голоса? Это я тут одна-одинёшенька к тебе зываю.

Во дворе выскочившие кто в чём мужики, для смелости покрикивая друг на друга, обходили постройки. Не дай бог какой тать пробрался?! Сердце Натальи Акимовны от страха, что

пимокат не успел скрыться и может быть пойман, стучало так часто и громко, что Настенька стала её успокаивать:

– Натальюшка, свет вы наш, Акимовна, напугались тут без меня, глупой да нерасторопной. Но теперь-то челядь во дворе, если кто пробрался – изловят сей момент! Вот вам крест – изловят!

И тут Наталья Акимовна услышала голос пимоката. Изловили! Сердце её оборвалось. Что-то теперь будет?

– Вы ничего не бойтесь, а я поверх мокрой рубашонки сарафан накину да выйду гляну: изловили кого?

Настенька вышла. А Наталья Акимовна приоткрыла дверь предбанника и прислушалась.

– Иду, значит, я мимо. Смотрю, ворота неплотно прикрыты. Время позднее. Уж ни случилось ли чего, думаю? – говорил пимокат громко и уверенно, хотя некоторая дрожь всё-таки слышалась в голосе. – Или просто по рассеянности слуги закрыть забыли? И тут: крик, шум, вроде ищут кого. Только рот открыл служку окликнуть, а он в сей момент на меня и натолкнулся.

– Дак ить ворота я самолично проверял. Вот и теперь они закрыты. Как же так? – удивлялся дворовый мужик. Подняв фонарь, он внимательно осматривал перекладину толщиной в руку, запиравшую ворота. В это время вся остальная прислуга, никого ни обнаружив, стала собираться рядом с ними.

– До чего же глупы бывают людишки. Тать ворота приоткрыл и вошёл, а я за собой их закрыл! Не оставлять же нараспашку в вечернее время? А пока вы тут бегали бестолково, он, испугавшись, задним двором ушёл. У ворот-то я стоял!

– Это как же он ухитрился? Ворота со двора запираем... – недоумевал мужик.

– Вот ежели изловили бы его, то расспросили бы. Тать мог засветло пробраться да прятаться, к примеру, в курятнике. Или, может, ты чего напутал, а ворота и не запирал вовсе!

«Весь этот разговор следует пресечь», – подумала Наталья Акимовна.

– Настенька, где ты там? Уже баня выстыла! – крикнула из-за дверей. – Хватит попусту свечи жечь да разговоры пустые разговаривать. Поблагодарите лучше от моего имени Егора Петровича, что уберёт нас от лихого человека, да пригласите завтра к нам на чай, чтоб уж как положено благодарность высказать. Да возвращайся живее. Не сидеть же мне тут до ночи?

На этом, слава богу, приключение закончилось. Однако, лёжа после бани на пуховой перине, Наталья Акимовна рассуждала и так и этак. Егор Петрович, что ни говори, непотребные вещи вытворяет. То в окно её опочивальни влез безо всякого на то повода с её стороны, то вот сегодня в баню проникнуть исхитрился. И, можно полагать, жуткие слухи о вампире пошли не без его участия. Полагать, конечно, можно. Но было нечто такое, что не давало покоя Наталье Акимовне: околоточный надзиратель утверждал, что вечером, когда возвращался со службы, видел повозку, везущую Кузьму Федотыча в красном бархатном халате с отблесками золотых драконов. Но ведь халат в это время лежал в её спальне на кресле, там, где и был оставлен хозяином при жизни. И Кузьма Федотыч – чай в земле зарыт, да и совсем не в халате. А Егор Петрович выскочил из окна её спальни в этом самом халате гораздо позже, хоть и ночью тех же суток. Значит, ни тот, ни другой не могли быть в той повозке в этом самом халате. Так что же это за ужасный призрак раскатывает по городу? И так ли уж правильно винить во всём Егора Петровича? Но тогда это дело сил страшных, необъяснимых!

От таких мыслей дрожь пробрала Наталью Акимовну. Она плотнее закуталась в одеяло, и мысли постепенно перешли на более житейские вопросы. Как бы там ни было, в одном пимокат прав – ежели она выйдет замуж за человека не дворянского происхождения, то и дети от такого брака будут простолюдины. И понятно, что задумал Егор Петрович. Чтоб Наталья Акимовна, уступив ему, родила ребёнка, скрыв их связь. А отцом объявила Кузьму Федотыча. Родить можно и в Москве, к примеру, – уехать, объяснив необходимостью посетить медицинские све-

тила. А когда вернётся с дитём, кто дознается – какого он месяца рождения? Тут и крестить, записав нужную дату рождения. По истечении же срока траура Егор Петрович обвенчаться мечтает.

Проследив таким образом ход мыслей Егора Петровича, она даже села в кровати. Да что же это делается? Ей по всем канонам можно ещё три года жить привольно и свободно, не обременяя себя брачными узами и мужниными капризами, а того хуже, беременностью и родами. Опять же из столицы выписаны роскошные траурные платья с прекрасными корсетами для узкой талии, которые останутся ненадёванными. Да и удовольствия от замужней жизни в постели она не почувствовала никакого. Вспоминались одни мытарства да изгальство со стороны дорогого супруга. И как ни крути, всё одно три года траура. Опять же пимокат этой тайной властью над ней возымеет. Так из огня да в полымя и угодишь!

А ей давеча первое приглашение принесли от городского головы. Деловой визит позволителен. Грацианов Пётр Алексеевич этикет до тонкости понимает, и приглашение прислал на двоих. Сопровождать её туда будет батюшка Аким Евсеич. Этому способствовало оставленное Кузьмой Федотычем состояние и статус её необыкновенный. Шутка ли – вдова вампира? К чему лишаться таких преимуществ? Попав в руки Кузьмы Федотыча, она научилась терпению и поняла, что иногда решиться осмелиться – это шанс поймать птицу счастья. А оставшись безраздельной владелицей немалого состояния, почувствовала: как же хороша жизнь без страха бедности и мужниной тирании. Через три года снимет траур и начнёт выезжать в общество. Зря, что ли, она столько пережила? И грех на душу приняла! А с другой стороны: и врач дорогого супруга осматривал, и батюшка кадиллом рядом махал, и гробовщик обмерял – все сочли мёртвым. Так в чём же её грех? Не более чем у других. И зря она казнит себя, что дорогого супруга заживо похоронили. Нет, надобно отвадить пимоката!

На следующий день перед обедом Наталья Акимовна имела беседу со своим батюшкой в том самом кабинете, где когда-то она диктовала, а батюшка переписывал за мизерную плату бумаги Кузьмы Федотыча, и тот впервые увидел её. Тогда даже помыслить было невозможно, что судьба примет такой оборот. Однако и теперь будущее предвидеть не мог никто, даже осмотрительный и осторожный Аким Евсеич. Он сидел в мягком кресле Кузьмы Федотыча, склонившись над деловыми бумагами. В хорошо сшитом сюртуке, в зауженных брюках и модных ботинках бывший писарь вовсе не выглядел, как прежде, тщедушным, а скорее подтянутым и собранным.

– Ну что, Натальюшка? – продолжая начатый разговор, отложил в сторону рассматриваемую бумагу. – Ты должна понять, что Пётр Алексеевич не стал бы без особой причины беспокоить тебя в дни строго траура. Но дело не терпит отлагательства! Я случайно встретился с человеком, который ранее со мной за соседней конторкой сидел, а теперь городскому голове услуги оказывает, так он говорит, что будут в городе доходный дом на паях строить. Вот и приглашает господин Грацианов состоятельных людей, чтобы обсудить участие. Веди себя подобающе. Скромным поведением ты приобретёшь неизмеримо больше уважения, чем ежели будешь поступать наоборот.

– Батюшка, да разве я когда себе позволяла что-либо предосудительное?

– Пятнышко на платье может и маленьким быть, а на бал не годится. Так и в жизни. Запачкаешь репутацию единожды – вовек не отмоешься! Вот и кстати! Что это вдруг Егор Петрович по вечерам мимо вашего двора дефилирует?

– Да откуда же мне знать, батюшка?

– По старой памяти виды на тебя держит?! Надобно его от дома отвадить. Вот и сегодняшний его визит не уместен... м... да, не уместен!

– Вот я и послала к вам Настеньку...

– Сделаем так... Вели накрыть чай на веранде. Скажешься, что у тебя мигрень, дело обычное. Егора Петровича приму я. Закажу валенки... дворовым мужикам. Таким образом и

место ему укажем, и не обидим, врага не наживём. Всё-таки надо учесть, что Егор Петрович добровольно вызвался и собственноручно произвёл обряд по уничтожению вампира.

– Папенька, к чему вспоминать такие страсти?

– М...да...

Вампирские страсти

Глава 5

Хоть и был визит к городскому голове деловым, но кто же в городе не знал, что сынок его настоящий денди? Притом холост! И если Акима Евсеича больше волновала деловая сторона встречи, то Наталья Акимовна, понимая, что решать ей ничего не придётся, очень беспокоилась по поводу своей внешности. Так что ночь перед визитом почти не спала. И оттого казалась бледнее обычного. И вот под руку с папенькой она медленно поднимается по широкой лестнице в кабинет Петра Алексеевича. В чёрном матовом платье, с тонко перехваченной талией, на красиво уложенных чёрных кудрях шляпка из чёрного крепа украшена цветами чёрного гагата. Движения её были легки, она будто парила над ступенями.

Вернувшись домой, Наталья Акимовна перебирала в памяти подробности визита к городскому голове. Мельком замеченное красивое молодое лицо и стройное тело всё вспоминались и вспоминались! И не было никакой возможности отогнать от себя это видение! Деловую часть беседы папеньки и Петра Алексеевича она пропускала. Действительно, решили строить доходный дом на паях. Думать об этом взялся Аким Евсеич. А и было о чём. Рассуждая о предстоящих заботах, Аким Евсеичу становилось ясно, что теперь придётся каждую неделю, может, и не по разу, деловые визиты наносить и посещать присутственные места. Предпочтение пеших прогулок граничило с непристойным поведением и всячески порицалось. Так что следовало подумать, посчитать и решить – приобретать ли какой-либо экипаж для этих целей или привести в порядок повозку на рессорном ходу Кузьмы Федотыча, которую Аким Евсеич третьего дня в сарае приметил? И лишних денег тратить не хотелось, да и опасался пересудов. Мол, только зять на погост, теще состояние прожигает! Всю ночь бывший писарь глаз не сомкнул.

За окнами чуть рассвело, когда Аннушка, зевая и потягиваясь, вышла из своей каморки:

– Матушки светы! Матушки светы! – зашептала и закрестилась, увидев, как через комнату, кабы не по воздуху, медленно плывёт странная фигура.

– Аннушка? Согрей-ка чайку...

– Свят, свят, свят... – крестясь, кинулась назад к себе в комнату.

– Анна! Да что с тобой? Никак умом тронулась?

Аким Евсеич в ночной рубахе до пят и колпаке, устав в бессоннице переворачиваться с боку на бок, сунув ноги в мягкие войлочные чуни, направился было к своему кабинету, тут Аннушка и попади ему навстречу. В сером утреннем полумраке белёсая бесформенная фигура кого хочешь напугает!

– Анна! Чёртова кукла! Тьфу ты! Не согрешить, да согресишь! Чего скрылась?

– Аким Евсеич, никак вы?

– Кто ж ещё?

Напоив Акима Евсеича чаем, Анна направилась в мясную лавку говяжий язык купить, коей был заказан хозяином к обеду обязательно под соусом. А в лавке, как на грех, только Фроська толклась! Ей что ни скажи, на весь Бирючинск разнесёт! Но терпеть уж не было мочи, так у Аннушки собственный язык чесался!

– Фрося? Поди, что скажу! Только крестись, что более никому не расскажешь?

– Чего такого про твоего хозяина можно рассказать? Вон, дворовые Кузьмы Федотыча говорят, на что тот жаден был, да и то с барского стола крошки падали, а твой хозяин такой порядок навёл, что Кузьме Федотычу, хоть и вампиру, а и не снилось!

– Да погоди ты! – и зашептала на ухо.

– Призрак? На рассвете?

– Вот те крест! Ни половица ни скрипнула, ни подошва ни шаркнула. Да и ног-то не было. Белый балахон колышется в воздухе и ко мне всё ближе, ближе! Тут я крестным знаменем его, а сама за дверь да на заложку! Так и сидела, пока Аким Евсеич не проснулся! Только ты уж никому!

– Вот те крест! – перекрестилась Фроська и тут же куда-то исчезла!

А Аким Евсеич после бессонной ночи прилёг на кушетку, да и проспал до обеда. Так что в дом к Наталье Акимовне направился хоть и засветло, но всё же ближе к вечеру. Следовало осмотреть повозку и прикинуть, во что обойдётся ремонт. Заходить в дом не стал, а сразу направился в сарайчик. Приглядевшись в полумраке, Аким Евсеич определил, что это скорее пролётка с откидывающимся верхом. Некогда выполненный из прекрасной кожи верх до сих пор требовал лишь приведения в порядок, похоже, что и рессоры были исправны. Оно, конечно, пролётка не карета! Но и горожан, имеющих собственные выезды, раз-два и обчёлся! И все разнокалиберные, потому как удовольствие недешёвое. Так что пусть пролётка, но собственный выезд!

Аким Евсеич попытался влезть в неё и ахнул, обнаружив красный бархатный халат своего зятя. А ведь по городу ходили слухи, что именно в красном халате видели восставшего из гроба вампира! Ужас сковал бывшего писаря. Ни вздохнуть, ни выдохнуть, ни крикнуть! Какое-то время он так и сидел на пыльном сиденье. Тем временем во дворе стало темнеть. На негнущихся ногах Аким Евсеич вышел из сарайчика и направился в дом. Следовало почистить одежду от пыли и немного успокоиться. А ещё поразмыслить – как сказать о находке дочери? И тут Аким Евсеич вспомнил, что Кузьма Федотыч лежал в гробу совсем не в красном халате! А ещё раньше он видел этот халат в спальне зятя в день его смерти. Так как же этот халат оказался в повозке? Но повозку с вампиром в этом халате, то есть Кузьмой Федотычем, видел сам околоточный надзиратель! И окончательно запутавшись в рассуждениях, Аким Евсеич решил пока никому ничего не рассказывать, а халат припрятать куда подальше. Ведь ежели злостный вампир уничтожен, то и все его проделки прекратятся! А компрометировать Наталью Акимовну всякими домыслами ни к чему. Так вот, по здравому рассуждению выходило... Нет, ничего у Акима Евсеича не выходило.

Однако вечерний чай расположил к более приятным мыслям. Аким Евсеич раздумывал, не следует ли поставить на пролётку дутики,** поскольку мостовые в Бирючинске сплошь булыжные, езда по ним – казнь египетская. Пролётка с красивым кожаным верхом на резиновом ходу – это очень, очень неплохо! Ночью ему даже сон привиделся. Будто он в новом пальто, в том, которое пятнадцать рублей стоит, подкатывает в этой самой пролётке с начищенным кожаным верхом к роскошному крыльцу с высокой парадной лестницей, а по ней навстречу ему спускается женщина в розовых одеждах, с пышной грудью и полными руками. Он даже рассмотреть успел сквозь ажурные перчатки, что на запястьях они будто тоненькими ниточками перехвачены, а кожа белая... нет, даже слегка розовая. Протянул он к ней руки, сказать, что холодно, мол, простынете, мадам. Тут-то сон и оборвался. Да только Аким Евсеич больше в эту ночь так и не уснул. Душа винтом пошла. Стали вспоминаться прожитые в недостатках и нехватках годы жизни вдовца. И эта женщина из сна... будто что-то знакомое виделось в ней? И подумалось, что если доведётся увидеть, непременно узнает. Так и прокрутился до утра. А чуть свет поднялся и принялся за свой туалет. Ведь точно, где-то видел эту даму, и встретить её желал при полном соответствии.

Приведя себя в порядок и почувствовав бодрость во всём теле, Аким Евсеич принял окончательное решение: закопать тот ужасный халат на кладбище, на могиле зятя! Путь забирает, коли уж так он ему дорог! Да и дело с концом! Но для этого следовало выбрать время

и подготовиться. Как только Аким Евсеич решение принял, то и немного успокоился. А тут ещё мысль поставить на пролётку дутики так засвербела, что отправился Аким Евсеич пешим ходом узнать, как да почём можно сторговаться? Идти пришлось мимо дома пимоката, несостоявшегося жениха дочери. Видеть лишний раз его не хотелось, а он как чёрт из табакерки – тут как тут. Вежливо раскланивается:

– Аким Евсеич, вы, помнится, заказывали валенки для дворни Натальи Акимовны, так мне уже работы всего ничего осталось. Когда прикажете доставить?

Акима Евсеича как горячей волной окатило. А не держит ли пимокат по старой памяти на Натали виды? Теперь она ещё и богата! Не его ли рук дело с красным бархатным халатом? Так или иначе, но Аким Евсеич осадил бывшего жениха:

– Вы, Егор Петрович, не спешите. До зимы ещё далеко. Я пока другими делами занят. Вот желаю дутики на экипаж поставить. Завершу это дело, тогда очередь и до валенок дойдёт.

И тут показалось Акиму Евсеичу, что вроде как Егор Петрович даже в лице переменился, но отец списал это на продолжающуюся увлечённость пимоката его дочерью. Поэтому, чтобы пресечь всяческое поползновение, как бы между делом задумчиво произнёс:

– У Натальи Акимовны строгий траур, так я распорядился Настасье никого к ней по этой причине не допускать. А вежливо объяснять, что вдовье положение к тому обязывает! Ежели по делам каким, так Наталья Акимовна не безродная. Пусть ко мне обращаются. Так и вы, как решите валенки доставить, пришлите рассыльного, я самолично приму заказ.

Высказал всё, глядя прямо в лицо Егора Петровича. Тот молча раскланялся, и они разошлись. Аким Евсеич даже доволен остался этой встречей. Лишний раз объяснил пимокату, что доступ к Наталье Акимовне ему закрыт!

С тем и отправился по своим делам. Вопрос с дутиками решился к обоюдной выгоде, изготовить их обещались вскорости и цену запросили умеренную. Однако по дороге назад, да и потом, вернувшись домой, Аким Евсеич никак не мог придумать, каким бы образом халат мог попасть к пимокату, а пимокат – в дом Кузьмы Федотыча? Да ещё заверения слуг, что видели именно Кузьму Федотыча. С этими мыслями и уснул бывший писарь. А ночью вдруг видит возле окна вроде свечение какое, да все увеличивается и увеличивается. Он сел в постели, а свечение тем временем так разрослось, что внутри явственно фигура Кузьмы Федотыча проступила. Аким Евсеич осенил себя крестным знаменем, молитву зашептал, но видение не исчезло, и голос жуткий прозвучал: «Деньги мои не троньте, не возрадуетесь».

Но вместо того чтобы от страха онеметь, Аким Евсеич вдруг спросил: «На что же жить вдове твоей?» И услышал: «Преумножайте состояние, на преумноженное живите. Не вдова она – убийца. Заживо мужа похоронила». Тут фигура мерцать стала и дёргаться, будто в конвульсиях. Зрелище выше сил человеческих. Аким Евсеич перекрестил пугающее видение раз, другой, а на третий видение будто внутрь себя провалилось. И в миг этот тишина наступила такая, что у Акима Евсеича уши заложило.

Слез он с кровати, подошёл к тому месту, где только что призрак зятя виделся, и, странное дело, никакого страха не почувствовал. Наступил ногой прямо на то самое место, а пол там куда как холоднее остального. Что не приснилось, это точно понимал Аким Евсеич, но, может, привиделось, примерещилось? И тут другой, страшный смысл дошёл до его сознания: зять утверждал, что похоронен заживо и виновна в том Наталья Акимовна. Вот тут хуже, чем от появления бестелесного призрака, пробрало бывшего писаря. Мелкая дрожь была так, что он в стакан воды налить не мог. И невольно вспомнились все случившиеся странности, и хоть полной картины у Акима Евсеича не складывалось, но он вспомнил, что врач прописал его дочери успокоительные капли, особо предупредив, что в смешении с алкоголем они многократно усиливают свой эффект. Капли эти были у Натали, а Кузьма Федотыч на ночь бокал вина выпил, после чего... м... м... И как было узнать правду? А если так оно и есть? Как тогда быть? И каково будет Натали знать, что её отцу подобное известно? Но и каково-то ей одной

эту ношу нести? Ведь не от хорошей жизни подлила она эти капли в вино мужа! Трёх жён загнал на тот свет Кузьма Федотыч, не случись этой беды, была бы другая – погибла бы дочь от издевательств мужа.

Не спал Аким Евсеич до самого рассвета, только когда Аннушка встала да на кухне утварью загремела, успокоился и уснул. А утром, когда солнышко осветило комнату, проснувшись, решил, что это был кошмар, ночной кошмар, после всего пережитого. Только чем дальше, тем больше понимал Аким Евсеич, что как бы странно и невероятно это ни выглядело, всё-таки ночью зять был здесь. Мысли одна невероятнее другой лезли в голову. А посоветоваться не с кем. Либо дочери навредит, либо самого душевнобольным сочтут. Стал вспоминать в подробностях ночную беседу, да и осознал, что самое главное в теперешнем своём и дочерином положении запомнил. Зять запретил проживать его добро, но преумножать его и жить с этих доходов позволил. Видать, жадность и на том свете покоя не давала, ведь ежели им с Натальюшкой жить будет не на что, то и преумножать его добро будет невозможно. Предупредил, что иначе не возрадуются. Они и при его жизни уже не возрадовались. А растрчивать капитал зятя Аким Евсеич и не намеревался. Совесть не позволяла, да и опасался людского осуждения. А тут городской голова предложил принять участие в строительстве доходного дома – дело выгодное. Да и предложенная должность казначея при этом строительстве тоже копеечку даёт.

В этих размышлениях вспомнил, что решил закопать любимый халат зятя на его могиле. И лучше это дело не откладывать. С этими мыслями и направился к дочери. По дороге всё вздыхал да думал, что видеть ночью роскошную даму куда как приятнее, чем упокоившегося зятя. Но тротуар, по которому он обычно ходил, начали перестилать, поскольку многие доски прогнили, и Аким Евсеич свернул в соседний переулок, пусть немного долее идти, зато посуху. И тут же запнулся на ровном месте, потому что взгляд его упёрся в тот самый дом, с крыльца которого в его сне спускалась прекрасная дама. Да что же это с ним творится? Сны снятся один удивительнее другого, дела творятся непотребные. То в спальню Натали вампир проникает, то этот вампир упокоившимся зятем оказывается и ну по Бирючинску раскатывать в домашнем халате, хотя похоронили во вполне приличном костюме. А потом этот самый халат бог весть каким образом в пролётке оказывается! Чудны дела твои, господи! И опять запнулся – Господа ли дела-то?

А ещё через пару дней, прихватив с собой мешок, Аким Евсеич направился к дочери, решив зайти в сарай и забрать жуткий халат. А там сказать, будто могилку зятя посмотреть – в надлежащем ли состоянии, да и закопать. А чтоб с кулём не тащиться, извозчика нанять.

Во дворе дома Натали никого. Он крикнул мальчишку, сына поварихи, и послал за извозчиком, а сам вошёл в дом предупредить Натали, что собирается могилку зятя проведать – всё ли там в порядке? Может, что поправить надобно? А потом хочешь не хочешь надо идти в сарайчик, забирать халат. Вот она, повозка. Приготовил мешок, заглянул в пролётку – нет халата! Влез в неё, внимательно осмотрел – нет! Обыскал все углы – нет, как и не было! Чертовщина какая-то.

– Свят! Свят! Свят! – крестился на Аннушкин манер Аким Евсеич. Вышел на вольный воздух, подышал, успокоился. Ну, может, кто из дворовых нашёл да покусился? Нет уж, ни искать, ни тем более отбирать этот жуткий халат он не будет. Страх опять в душу закрался. И тут слышит, зовут его, извозчик подкатил. Куда деваться? Ехать придётся, ведь Натали предупредил и вон за извозчиком послал. Ну раз халата нет, то и прятать нечего, значит, и ехать одному ни к чему.

– Натали, я вот что подумал: возьму с собой истопника. Если что придётся подправить, то чтоб два раза не катать, под моим приглядом всё и исполнит, – с тем и уехал.

На кладбище истопник шёл впереди, Аким Евсеич следом, и так на душе из-за того вампирского халата нехорошо, а тут ещё кресты кругом! Глянуть, всё ли в порядке, да скорее прочь с этого места. Шёл, шёл да и натолкнулся на истопника, который вдруг встал как вкопанный.

– Батюшка, Аким Евсеич, я дальше не ходок, – глухим шёпотом выговорил совсем не мелкий мужик.

– Да что с тобой такое?

– Похоже, Кузьма Федотыч опять из могилы восстал! Над его могилкой вроде как человек шевелился, да прямо на глазах исчез! Видать, назад в могилу ушёл!

По спине Акима Евсеича пробежали мурашки. Ноги налились тяжестью так, что и шагу сделать невозможно ни вперёд, ни назад.

– Мало ли, может, ворона сидела да улетела...

– Ну, тогда вы первый идите. Боязно мне. Хотя, может, и примерещилось, потому как сей момент никого не видно. И крест нательный в зубы возьмите, слышал, помогает!

Так, зажав зубами кресты, они и приблизились к могиле. Глядь, а из верхнего разрыхлённого слоя могилы – так, будто его недавно кто-то копал, – отчётливо виден край красного бархатного халата с золотыми драконами! А в следующую минуту зашелестела и зашевелилась трава возле их ног. И тут ужас охватил их такой, что назад они ломались не разбирая дороги!

Извозчик, коли уж приехал на кладбище, решил заодно родителей своих помянуть и приложился к чекушке. На летней жаре разморило его чрезвычайно. И уже было прижмурил глаз один, как видит – не глядя под ноги, бежит меж могил истопник, а вслед за ним Аким Евсеич поспекает. «Не иначе как грабители напали?» – только успел так подумать возница, как, подбежав и заскочив в повозку, не переводя дух, оба в голос закричали: «Трогай!!!» Не дожидаясь, пока лихие люди с кладбища выскочат, извозчик понужнул лошадей.

Не прошло и часа, как Аким Евсеич с истопником уехали на кладбище, и вот уже видит Натали: окутанная столбом пыли, со всей прыти подлетает к окнам дома та же повозка! Из неё Аким Евсеич и истопник еле вылезают. На каждом лица нет, испуг прописан. Аким Евсеич в дом прошёл.

– Уф! Обошлось, господа хорошие, не ограбили? – поинтересовался возница.

– Какой ограбили? Хуже того! Страху натерпелись... – и истопник стал рассказывать всё, что увидел со страху. А у страха глаза велики. И то, как Кузьма Федотыч в своём красном халате с золотыми драконами на его глазах назад в могилу возвратился, и не преминул про Акима Евсеича лестно упомянуть, страх страхом, а доброе отношение хозяев не помешает! Как Аким Евсеич чуть было не поймал ужасного вампира, которого даже чеснок не взял и кол не пригвоздил, за край халата. А в подтверждение своих слов уверял, что край халата, за который на его глазах Аким Евсеич отчаянно пытался поймать вампира, остался торчать из могилы!

По мере того как истопник рассказывал, возле него собирался народ. Тут и хмельной возница разохотился. Только сам спрашивал: не ограбили ли седоков? А теперь уже давай подтверждать, что своими глазами видел, как Аким Евсеич Кузьму Федотыча за красный халат тянул, а тот сквозь землю провалился! Оттого и гнал, что есть прыти, потому как каждому христианину жутко будет в такую историю угодить!

Истопник, уже в который раз взхлёб рассказывающий всё прибывающим слушателям, какой ужас им пришлось пережить, только более распаялся, чувствуя к себе ранее никогда не испытанное внимание. Возница, сообразивший, что зевак всё прибавляется и истопнику почти что в рот заглядывают – так послушать желают, давай новые подробности вспоминать, от которых у слушателей волосы дыбом становились:

– Я на облучке сидел. Сверху-то мне, известное дело, всё видно.

И вот уже с десятков зевак, кое-что не расслышав, кое-что домыслив, пошли пересказывать доподлинную жуткую историю, опять произошедшую в Бирючинске!

Тем временем Аким Евсеич, сидя напротив Натали, негромким, прерывающимся голосом рассказывал:

– Как только подошли к могилке, видим, земля рыхлая, ещё и обсохнуть не успела, будто кто перевернул её только что. А с краю пола красного бархатного халата Кузьмы Федотыча из земли видна, – пот выступил на лице бывшего писаря.

– Батюшка... мало ли, цветок, венок землёй присыпали, а вам показалось невесть что, – но голос её дрожал, а лицо бледнее белой стены сделалось.

– Но это ещё не всё. Потом трава у наших ног зашевелилась, кругом тишь, и только у наших ног... – голос Акима Евсеича перехватило.

– Но, возможно, ветерок...

– Натали, – Аким Евсеич хотел было про сон рассказать, но поднял на дочь глаза и осекся. – Натали, деньги зятя на себя мы тратить не будем.

– Ему теперь деньги ни к чему. Зря вы, батюшка, страхи на себя напускаете.

– Натальюшка, помнится мне, доктор, когда тебе успокоительную микстуру передавал, то предупреждал о её особом свойстве. Где у тебя тот флакончик? И отчего ты так громко причитала, кинувшись на похоронах чуть ли не под лезвие лопат? Неужто услышала из его могилы нечто такое, что скрыть от людей пожелала?

– К чему теперь, батюшка, душу лишней раз травить? Ничего уже не изменим.

– Пользоваться деньгами Кузьмы Федотыча, чтобы зарабатывать себе на жизнь, будем, но некоторую часть заработанного к его состоянию присовокуплять.

– Батюшка...

– Дешевле, чем деньгами, нет способа от беды откупиться, – вдруг поднял голову, посмотрел в лицо дочери: – Моя вина, всё моя вина. Ты у меня на попечении была. И я, твой родной батюшка, отдал тебя на растерзание извергу в облике человеческом.

– Да откуда же вам знать было?

– С годами не только седина приходиться должна, но и мудрость. Должен был понять, что коли до тебя трёх жен со свету сжил, то и тебе несдобровать.

– Но ведь обошлось, батюшка.

– Начало, это только начало, Натальюшка. Прости нас, Господи, и дай нам силы, – перекрестился на красный угол Аким Евсеич.

В комнате повисла тишина. И в этой тишине вдруг послышался человеческий гомон и крик, будто под окнами спорили или ругались. Аким Евсеич выглянул в окно, хлопнул себя по голове и кинулся к дверям:

– Чего это они там затеяли?

На улице под окнами дома всюду шел спор. Четверо проезжих мастеровых насмеялись над истопником и кучером, не желая верить, что покойник из могилы вылезал, а Аким Евсеич его за угол халата поймал. Мертвец опять в могилу сгинул, а угол халата, за который он был пойман, так и остался торчать из земли. Когда Аким Евсеич подошёл к спорщикам, они уже по рукам ударили, договорившись, что проспорившая сторона оплачивает извозчика и покупает четверть. Не успел он и рта раскрыть, как кричащая и спорившая компания, уместившись кое-как в повозку, направилась на кладбище. Аким Евсеич вернулся домой:

– Вели-ка, Натальюшка, мне стопку подать с огурчиком.

– Что там произошло, батюшка?

– А пусть их! – отмахнулся Аким Евсеич, устав от всяческих напастей.

Егор Петрович после разговора с Акимом Евсеичем про все свои заказы на изготовление валенок забыл! И как тут не забыть, ведь если халат будет найден, не дай бог на свет выплывет, как халат в повозку попал?! Егора Петровича даже дрожь пробрала!

Конечно, пока Наталья Акимовна была всего лишь дочерью бывшего городского писаря, это один расклад. Но и тогда пимокат с матушкой рассудили, что хоть и не богата, но единственная дочь у отца, значит, дом ей достанется. Но прозевали. И Наталью Акимовну выдали

замуж за Кузьму Федотыча. Однако когда Кузьма Федотыч преставился, оставив Натали богатой бездетной вдовой, решился Егор Петрович на этот раз не прозевать, занять освободившееся место. Вот и влез в окно её опочивальни, чтобы приватно объясниться в любви. Но в доме проснулись слуги, и, чтобы не быть узнанным, пришлось выскакивать обратным ходом в халате Кузьмы Федотыча. А халат тот проклятый у себя дома он оставить никак не мог. Мало ли матушка обнаружит? Вот и припрятал в сарайчике Кузьмы Федотыча. А теперь возьмётся Аким Евсеич повозку на свет белый вытаскивать, а там халат этот! Городской писарь многие истории в своей жизни если не повидал, то прочёл. Скорее всего, смекнёт, в чём дело! И тут пимокату несдобровать! Одно вбивание кола в тело Кузьмы Федотыча чего стоит.

В первую же ночь после разговора с Акимом Евсеичем направился Егор Петрович в сарайчик, чтобы забрать оттуда и закопать на задворках злосчастный халат! Чего проще? Ан нет! До сарайчика добрался никем не замеченный. Луна светила полная, яркая. Было собрался войти в сарайчик, а там – шорох да шёпот! Заглянул в щель между разошедшихся досок, а там какая-то жуткая фигура в этом самом халате движется! И ни головы у неё, ни ног не видать. Темень. Но не сам же халат шевелится? И тут вспомнил пимокат, что полная луна – самое время для вампиров! И вроде знал всё доподлинно про этот халат, но такая дрожь прохватила, да если бы только дрожь, а то ещё и живот скрутило так, что мочи терпеть нет, куда там страх! Пришлось бежать на задворки без халата. А когда легче стало, решил вернуться вновь. Только руку протянул дверь открыть в сарай, луна возьми да за тучу спрячься. В тот же момент дверь сама распахнулась со всего маху ему в лоб, так что пикнуть не успел!

Очнулся от утреннего холода. Светает. Уж и не полез в сарайчик за халатом. Куда по свету с кулём тащиться? Отложил на следующую ночь. Но и следующая ночь не обошлась без приключений. У лопаты черенок сломался. И хоть считал он себя человеком вольных мыслей, но после этих событий решил, что не всё так просто. Видать, желает хозяин свой любимый халат получить, чтоб ходить в нём на том свете, как на этом! Оставался один выход – отнести халат на кладбище и закопать на могилке Кузьмы Федотыча, пусть получает, коли так он ему нужен! Главное – себя от этого прилипшего халата освободить!

И вот утречком, подождав, пока солнышко росу обсушит, окольными путями, чтоб кого знакомого не встретить, прихватив с собой куль с халатом, отправился пимокат на кладбище. Слава богу, всё хорошо добрался. Но только подошёл к могилке Кузьмы Федотыча, давай над ним ворон летать да кричать не пойми что! А тут ещё возьми да всплыви в памяти, как он на этом самом месте кол покойному Кузьме Федотычу в грудь вбивал! Руки вспотели, трясутся, глубоко копать страх не даёт! Чуть сверху землицу снял, расстелил халат, чтоб не комом лежал, ведь могилку-то надо в прежний вид произвести. И уже большую половину засыпал, как слышит, кто-то направляется в его сторону. Поднял глаза, так и есть! Кто такие, сперва не рассмотрел, но кто бы ни был, следовало поторопиться, да пока его не заметили, ноги унести отсюда! Заспешил, засуетился и в самый последний момент за соседскую могилку спрятался. И тут видит, это не кто иной, как Аким Евсеич с сопровождающим! Видать, могилку зятя проведать пришёл. А ещё узрел пимокат, что не весь халат зарыл, а край его торчит из-под земли! От волнения взмок весь, а тут того хуже!

– А-а-а!!! Аким Евсеич, быстрее отсель, скорейше! А-а-а!

– Чего орёшь? На этом месте тишину соблюдать...

– Да вы гляньте, гляньте! Никак Кузьма Федотыч опять из могилы восстаёт! – истопник даже договорить не дал Акиму Евсеичу, попятился назад, готовый кинуться бежать. А сам пальцем на торчащий край халата указывает! Тут и Аким Евсеич в лице изменился! А пимокат вдруг заметил, что буквально в шаге от бывшего писаря лопата лежит! Совсем пимокат забыл про неё, когда прятался! Он аккуратно протянул руку и потащил лопату к себе! Что было дальше – известно. Пимокат даже голову руками прикрыл, сам не зная отчего, так громко и жутко кричали и бежали, не разбирая дороги, эти двое.

Кладбище – оно определённые мысли навеивает. Убежали. Они-то убежали, а пимокат остался. От волнения руки трясутся. И так на кладбище не весело, а тут такого страху натерпелся! Решил, чтобы чего не упустить, передохнуть, а уж потом со всем чаянием дело завершить. Теперь-то уж вроде некому объявиться тут. Успокоился, огляделся, только опять взялся за дело, слышит, к кладбищу вновь повозка подъезжает! Подумать не мог, что и эти посетители к Кузьме Федотычу, но и оказывать себя на этом месте не пожелал. Не стал дожидаться, спрятался на прежнем месте. Глядь, тот же истопник, но с компанией! Идут, говорят громко, пересмеиваются. Ну, ясное дело, для пущей смелости. И направляются прямо сюда. С досады пимокат даже плюнул. Что ему тут, до вечера меж могил валяться? Хошь не хошь, ждать приходится. А мужики всё ближе, ближе. И вот уже истопник на край халата указывает. Видите, мол? Компания вмиг умолкла. Но стоят, с места не трогаются, приглядываются. Прикинул пимокат, что если вздумают за этот угол потащить, да и выволокут весь халат не из могилы, а всего лишь сверху землицей присыпанный? И взялся опять лопатой шурудить. Кругом тишь, ни травинки не шелохнётся, и только возле могилы Кузьмы Федотыча трава колыхнется.

– Вылезает... – выдохнул истопник и попятился. Мужики следом, но не очень уверенно, медленно как-то. Пимокат разошёлся и утробным голосом простонал. Тут уж все наперегонки подхватились.

Немного остывнув от всего пережитого, засыпал Егор Петрович проклятый халат, теперь уж аккуратно, осмотрелся – вроде ладно всё получилось. Только земляца сверху свежевзрытая, но кто ж её сегодня увидит?! А там солнце да дождик все следы заметут! Если что – так вот вам Кузьма Федотыч, и халат при нём. А его дело – сторона! Довольный тем, что избавился от ненавистного халата, направился домой.

Уставши от дневных тревожений, сделал себе Егор Петрович за ужином послабление, пропустил рюмку-другую анисовой. Сбросил на стул домашний кафтан, накинул белую батистовую сорочку, и так приятно телу стало, что, не откладывая, улёгся под одеяло. Однако спокойно лежал недолго. Вдруг ворочаться стал и даже что-то во сне говорить пытался. А как за полночь перевалило, сон совсем оставил пимоката. Лежит под мягким стёганным одеялом и холодным потом исходит, потому как видит, что полки на противоположной стене вдруг поползли в стороны. И понимает, что быть такого не может. «Снится. Не иначе как снится. Свят, свят», – пытался осенить себя крестным знаменем, но рука в ночной сорочке запуталась. Тут уж окончательно понял, что никакой это не сон. Решил водицы испить. Только ноги спустил с кровати, а в простенке, где полки расползлись по сторонам, отчётливый шорох слышался, будто песок сыплется. «Да что ж за наваждение такое?» – опять поднял руку для крестного знаменья. Да так и замер с поднятой рукой и открытым ртом. Прямо из стены в красном бархатном халате, сверкая в свете лампадки золотыми драконами, вышел Кузьма Федотыч. Прошёл мимо пимоката, обдав лёгким ветерком, и что-то сунул в карман лежащего на стуле домашнего кафтана. Тут же, забыв про желание водицы испить, упал Егор Петрович на прежнее место и, даже как следует не укрывшись, уснул.

А утром, при ярком солнышке, решил, что привиделся ему ночной кошмар, что вполне естественно после всего пережитого. Плеснул в лицо из кувшина холодной водицы, чтоб окончательно сон развеять, да и устроился завтракать. На столе дожидались заварные гречневые блины, очень любил их по утрам Егор Петрович. И уж за приятным завтраком стал забывать ночной кошмар, как вроде чувствует, что-то мешает в кармане кафтана. Сунул руку туда и вытащил на свет божий пояс красный бархатный с золотыми драконами:

– Это что же? Кузьма Федотыч сегодня ночью принёс мне пояс от своего халата? – и поперхнулся непрожёванным блином. – Откуда бы иначе он в моём кафтане оказался? Выходит, не привиделось ночью-то? – спрятал пояс назад в карман, чтоб коли матушка войдёт, то не увидела.

– Это ж он, чтоб не забывал, значит, – разговаривал так Егор Петрович сам с собой и чувствовал, как мороз по коже пробирает. Уж и не до блинов ему стало. Он-то думал совсем по-другому, а теперь как понимать это событие? И ни с кем посоветоваться, поделиться нельзя. А пояс – вот он, в кармане лежит.

Превратности честного возвышения

Глава 6

Вечером прошедшего дня после всех передраг пил Аким Евсеич чай с мятой и липовым мёдом и рассуждал про себя: «Ведь только подумал закопать халат на могиле зятя, он там и очутился! Да и не могло такое примерещиться, своими глазами видел халат в повозке. И как же халат в могилу переместился? Что дело тут нечисто, это ясно. Но вот мирское ли, земное ли непотребство – пойдти разбери? Помнится, давненько как-то иск переписывал, так там почище чудеса происходили, пока творца этих чудес околоточный надзиратель на чистую воду не вывел! – тут Аким Евсеич даже поперхнулся. – Забрать халат мог только тот, кто знал его место нахождения. А исчез халат после разговора с пимокатом о том, что желаю поставить на эту самую повозку дутики! Даже если дорогой зятёк вампир, что очень даже может быть, до Натальюшки трёх молодых жён со света сжил, то восстать из гроба в этом халате он никак не мог, поскольку был похоронен совсем в другой одежде! Если только не бегал переодеваться! Тьфу, какая ересь на ум приходит! Опять же вбить кол добровольно вызвался пимокат! И поздним вечером ни с того ни с сего во дворе Натальюшки очутился... ну да, ну да, вора вспугнул!»

С какого бока ни возьми, всё пимокат попадал! Аким Евсеич схватился за голову: «Надобно серьёзным образом поговорить с Натали! Но что если выяснится что-то такое... что оставить без внимания невозможно? И нужно будет принимать меры! Какие? И что из всего этого может последовать? Выходит, ничего хорошего последовать не может! Так как же быть?»

Что за комиссия такая – быть отцом взрослой дочери?! Опять Акима Евсеича ждала бессонная ночь. И так и этак прикидывал, однако решил не будить лихо, пока спит тихо, а лучше всего, чтобы пимокат исчез с глаз долой! Правда, пока Аким Евсеич не знал, каким образом это дело обустроить.

А тут другая, не менее важная, забота подпирала. Строительство доходного дома следовало ускорить. Потому как слухи о всякой чертовщине, происходящей в Бирючинске, распространялись, будто круги на воде. Лето, господ скука заела. Вон вчера уже одна карета припылила! Мол, слухами земля полнится, расскажите да покажите! Истопник гоголем пошёл от такого внимания! Ко всему городской голова пространные речи ведёт. Мол, хотел бы поставить во главе строительства своего сыночка, да в дальнем имении «Озерки» управляющий занемог, имение большое, богатое, придётся отпрыска отправлять. Заменить некем. И тут Акима Евсеича осенило! На следующий день с утра пораньше он сидел в кабинете городского головы и вёл такой разговор:

– Пётр Алексеевич, если мы найдём человека, пригодного на должность управляющего «Озерков», то сынок ваш сможет возглавить наше дело? А я со своей стороны без внимания его труды не оставлю. Присмотрю. Опять же с вами можем совет держать... приватно, так сказать.

– Да где ж управляющего сей момент найдёшь? Дело небыстрое!

– А есть у меня на примете известный вам человек!

И Аким Евсеич предложил направить в «Озерки» пимоката. Всячески его расхваливал, хотя не особо преувеличивал. Он в самом деле считал пимоката человеком дельным. Ведь, было, чуть дочь замуж за него не выдал!

– Да, Аким Евсеич, там у меня проживает девушка... красавица, образованная. Отец у неё знатных кровей, а мать местная крестьянка. Живёт в барском доме, воспитана как

барышня. За простого мужика замуж не выдашь! А время подходит, иначе засидится в девках! – и озабоченно вздохнул. – Может, у них с Егором Петровичем сладится?

Не прошло и двух дней, как в дом Акима Евсеича прибежал посыльный от Егора Петровича, который уведомлял, что заказанные пимы готовы и надобно их скорее забрать.

– К чему такая спешка? – лукавил Аким Евсеич, подозревая, что Егору Петровичу предстоит переезд в «Озерки». Но желательно было убедиться.

– Ну как же, разве вам неизвестно, что Егор Петрович безо всякой протекции с чьей-либо стороны, на одном честном имени, получил предложение от городского головы взять в управление его поместье «Озерки»?!

Любовные муки

Глава 7

Следующая приятная весть не заставила себя ждать. Посыльный сообщил Акиму Евсеичу, что дутики к пролётке изготовили и установили. Получилось быстро и недорого. И как только пролётка была приведена в превосходное состояние, Аким Евсеич взял за правило, куда бы ни ехал, проезжать мимо дома, где, как он думал, обитала незнакомка, которую он видел в своём сне. Тем более что от некоторых людей узнал, что там действительно много лет проживает одинокая дама, история жизни которой никому из горожан доподлинно неизвестна. Ходили слухи, что по молодости её соблазнил и оставил гусарский офицер, обещавший непременно вернуться и жениться на ней. Но то ли погиб, то ли нашёл другую, а дама так и ждала его. Было ли это правдой или досужими сплетнями, никто не знал. Образ жизни она вела уединённый, лишь иногда выезжая на короткое время в уездный город. А по возвращении на ней обнаруживались то новый бурнус*, то новомодный мягкий широкий берет. И местные дамы между собой решили, что уездный город она посещает для обновления своего гардероба в соответствии с последними, так часто меняющимися, модными веяниями. А поскольку одевалась она изысканно, хоть и не была особо тонка в талии, то выглядела великолепно, местные девицы и даже дамы постарше исподтишка приглядывались к ней, чтоб самим не отстать от моды. А в прошлом году ей сделал предложение титулярный советник, но она вежливо и твёрдо отказала, будто бы сказав, что на то есть свои причины, указать которые она не может. Всё это вкупе со странным сном так запало в душу Акиму Евсеичу, что редкий день он не проезжал мимо её дома, всё более и более придерживая лошадь.

И вот в один из дней Аким Евсеич вёз аптекаря для показа свободной комнаты в доходном доме, которую тот намеревался снять для вновь нанятого провизора, человека во всех отношениях толкового и необходимого в аптекарском деле, но крайне стеснённого в средствах. Только любезный Акиму Евсеичу дом показался из-за поворота, тут же обнаружилось, что у ворот стоит карета, возле которой растерянно суетится кучер. Но самое главное, по парадной лестнице спускается дама! Разглядеть её толком было невозможно, но сердце Акима Евсеича ухнуло и пропустило удар. Он не сомневался – это она! Аким Евсеич остановил пролётку, чтобы выяснить: не нужна ли его помощь? И к своей радости увидел, что у кареты подломилась подножка. Винаватый кучер беспомощно топчется на месте, а дама явно расстроена.

– Марья Алексеевна! – раскланялся в приветствии аптекарь. И тут Акиму Евсеичу повезло. Аптекарь был давно знаком с ней и, значит, мог представить Акима Евсеича, чем не преминул воспользоваться. Тем более что к этому времени водить знакомство с толковым казначеем и папенькой богатой вдовы сделалось очень даже престижным. С трепетом касаясь для поцелуя руки Марьи Алексеевны, Аким Евсеич через кружевные перчатки рассмотрел розовую кожу и тонкие полоски на запястьях, будто перехваченные ниткой. Всё сходилось! И Аким Евсеич не упустил момента, предложив даме свою пролётку. А позже аптекарю комнату по сходной цене, намекнув, что много лет одинок и эта дама его очень интересуется. Запрашиваемая

за комнату умеренная плата благотворно подействовала на аптекаря. Буквально на следующий день Аким Евсеич получил приглашение на обед в его дом, причём гостей в приглашении значились немного, и первой указывалась княгиня Марья Алексеевна.

И вроде бы знакомство состоялось, и всё складывалось должным образом, но как быть дальше? Аким Евсеич по-прежнему знал о Марье Алексеевне не больше, чем все остальные жители города. Встречаясь с ним на прогулке по бульвару, княгиня была в меру учтива и даже любезна, но Акиму Евсеичу не терпелось получить хоть малейший намек на нечто большее, на скрытый интерес к его персоне! Время шло, а ничего не происходило. Он был галантен и обходителен, но сдерживаемый столько лет темперамент брал своё. И когда он целовал её руку или смотрел ей в глаза, то чувствовал, как в ответ вздрагивают её пальцы, видел, как румянец заливают её щёки. И казалось, конца не будет этой томной, сладостной муки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.